

1 БӨЛІМ.
ТІЛ БІЛІМІ ЖӘНЕ ӘДЕБИЕТТАНУ

РАЗДЕЛ 1.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

SECTION 1.
LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

MPHTI 17.82.10

[DOI: 10.52301/2957-5567-2026-5-1-13-25](https://doi.org/10.52301/2957-5567-2026-5-1-13-25)

О.К. Андриющенко

Павлодарский педагогический университет им. Ә. Марғұлан

Павлодар, Казахстан

 <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>

email: andryuchshenko_olga@ppu.edu.kz

А.Ш. Тлеулесова

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина

Астана, Казахстан

 <https://orcid.org/0000-0002-3471-6109>

email: tleulesova.ardak@mail.ru

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА И МИФОЛОГИЗМ СТИХОТВОРЕНИЯ
ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА «ВОЛЧАТА» В ТРАНСКУЛЬТУРНОМ
АСПЕКТЕ**

Аннотация. В статье анализируются жанровые особенности, мифологизм и поэтическая техника в стихотворении Олжаса Омаровича Сулейменова «Волчата» в транскультурном ракурсе. Как выявлено, жанр притчи дает возможность автору поднять частный случай жестокого обращения с животными до философского осмысления взаимоотношений человека и природы, восходящего к древнетюркскому тенгрианскому пониманию необходимости гармоничного сосуществования человека с природой, выработанного тысячелетиями. Жанр притчи определяет и обобщенный характер персонажа – человека и образов волчицы и волчат, обобщенность хронотопа стихотворения. Притчевость выявляется в минимализме художественно-изобразительных средств на лексическом уровне и активном использовании их на синтаксическом уровне: анафоры, синтаксические повторы, риторические вопросы, градация. Транскультурность мировоззрения писателя, которая проявляется в усложненности концептуализации окружающей действительности, в инкорпорированности элементов русской картины мира в первичную казахскую картину мира, выражается также в симбиозе казахских и русских поэтических традиций. Это создает своеобразную поэтическую технику

Сулейменова в анализируемом стихотворении, основанном на силлабическом и силлабо-тоническом принципах. Выявленные жанровые особенности, мифологизм и своеобразие поэтической техники обусловлены в конечном счете транскультурным характером художественного мировоззрения автора.

Ключевые слова: Олжас Сулейменов; притча; мифологизм; транскультурность; поэтическая техника.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 08.10.2025

Дата принятия: 13.02.2026

Введение

Литературное творчество казахского поэта Олжаса Омаровича Сулейменова принесло ему общественное признание в советское время и оказало значительное влияние на развитие советской и современной казахской литературы. Наоми Кафи (2020), изучавшая творчество русскоязычных авторов из Центральной Азии, Кавказа и Сибири, характеризует эволюцию Олжаса Сулейменова, в советскую эпоху: от певца советского движения за освобождение и деколонизацию до практически диссидента, рефлексирующего о правах человека, об экологических проблемах и последствиях империализма. Она утверждает: «His literary work and political activism have made him one of contemporary Central Asia's most influential public figures, as well as an architect of national and pan-national identity in the post-Soviet period» (Caffee, 2020, p. 94). [Его литературная деятельность и политическая активность сделали его одним из самых влиятельных общественных деятелей современной Центральной Азии, а также архитектором национальной и общенациональной идентичности в постсоветский период. – Перевод наш. О.А., А.Т.].

В годы тотального идеологического, общественного, экономического кризиса в 90-е годы и начале XXI века казахская литература находилась в поисках новых эстетических и идейных ориентиров. К.Р. Нургали подчеркивает идейно-эстетическую роль феномена Сулейменова в современном казахстанском литературном процессе: «Сегодня казахстанская поэзия тотально «втянута» в общую динамику мирового поэтического процесса в полной мере. <...> На стыке тысячелетия в Казахстане сложилась такая культурная ситуация, которая позволяет уверенно утверждать, что идет активный процесс ментального становления нации. Наблюдаемые новые векторы этико-эстетического поиска казахстанских поэтов дают основание судить о принципиальном содержательном обновлении нашей поэзии, которая изживает прежние рубрики – казахская, русскоязычная, «маргинальная» – и восходит на высокий уровень казахстанской» (Нургали, 2020, с. 14).

В казахском литературном процессе, начиная с 60-х годов XX века, существовало разделение на казахскую литературу, создаваемую авторами на казахском языке, (М.О. Ауэзов, И. Есенберлин) и на русскоязычную литературу. Внутри русскоязычной литературы можно выделить литературу, которую создавали авторы, транслирующие русскую картину мира, (И. Шухов, М. Симашко, Б. Кенжеев) и литературу, создаваемую авторами, выражающими казахскую картину

мира средствами русского языка (О. Сулейменов, Б. Канапьянов, Р. Сейсенбаев, Б. Каирбеков). Именно об этой литературе говорят как о транскультурной, или транслингвальной, поскольку в ней на русском языке транслируется инокультурная, инонациональная модель мира.

В художественном сознании Олжаса Сулейменова создана усложненная модель действительности, в фундаменте которой лежат устойчивые казахские культурные представления и паттерны, в которые инкорпорированы элементы инонациональной (русской) картины мира. Эта усложненная модель концептуализации является внутренним содержанием литературного произведения, а русский язык – формой выражения этого усложненного национального миропонимания. В транслингвальной литературе (Kellman, 2000) функционируют гибридные тексты, содержащие элементы инонациональной культуры, не имеющие смысловых эквивалентов в языке, который является формой выражения этой иной культуры. Именно поэтому гибридные тексты могут быть не всегда легко читаемы и интерпретируемы носителями языка написания текстов. А.Ж. Сарсембаева утверждает, что «в творчестве О. Сулейменова ярко проявляются традиции акынов и батыров. Часто в русскоязычном тексте можно наблюдать художественно-изобразительные средства, выходящие за пределы русской поэтики. Многие строки могут оказаться не понятными представителям другой языковой культуры» (2005, с. 68).

Развитие теории литературы и культуры в конце XX – начале XXI вв. привело к появлению теории транслингвальной, или транскультурной литературы, отражающей глобализационные сдвиги в этнических культурах, в том числе использование одного языка для передачи другой этнической модели действительности. Творчество Сулейменова находится на границе двух миров и выражает их в разных ипостасях: формальной и содержательной, тем самым создавая собственную уникальную модель действительности. Об этом явлении говорил советский критик Л. Аннинский: «Олжас Сулейменов (хоть он и пишет по-русски) – поэт подчеркнуто национальной складки, он казах во всем: от метафор, навеянных степным пейзажем, до основной мысли его высших раздумий – о том, что внесет Азия в грядущее мировое содружество» (1963, с. 77). Мурат Ауэзов увидел в творчестве Сулейменова органичный синтез национальных ценностей с общечеловеческими: «Пожалуй, главная особенность поэтического дарования О. Сулейменова – в умении «подключиться» к глубинным, русловым течениям духовной жизни своего народа, <...> гражданственность, патриотический пафос, активное отношение к миру больших событий, философское осмысление детали и факты – характерные черты его поэзии, отмеченной той степенью духовной зрелости, которая позволяет поэту увидеть в воссозданной картине мира родство идеала национальной культуры с идеалом культуры общечеловеческой» (1968, с. 3).

Ученик и соратник Сулейменова по поэтическому цеху Бахытжан Мусаханович Канапьянов также подчеркивал свойственную поэту черту рассматривать и осмыслять современный мир через историко-национальную призму. В стихотворении-посвящении «Мастеру» 1986 года Канапьянов пишет:

*Нести – строка к строке – на встречные года
Из залежей веков руды богатой сколы.
Напоминая нам былого ореолы,
Мерцают зерна на изломах – как слюда.*

*Юнцы иглою, что на диске радиолы,
Судьбы выносят ритм в большие города...
Спасибо, старший друг, за мудрость вашей школы,
Что неизвестная за нею мне гряда.
Что образ слова из глубин людской души
Встает над суетой, над пропастью во ржи,
Над озером, в ночи укутанным туманом.
Поэта увлечет и дервиш-пилигрим,
И Назарей, Византия, Третий Рим,
И безымянная балбала за курганом.*

Таким образом, цель нашего исследования – изучить жанровую специфику, мифологизм, поэтическую технику стихотворения Сулейменова «Волчата» в транскультурном аспекте. Исследовательский интерес к поэзии Сулейменова проявляли отечественные и зарубежные литературоведы: Х. Рам (2001), N. Caffee (2020), К.Р. Нургали (2020), З.К. Темиргазина, Е.Н. Дерунова (2024), А.Ж. Сарсембаева (2025), и др., тем не менее специальные работы, посвященные стихотворению «Волчата», в научной литературе отсутствуют.

Материал и методы

Материалом анализа послужил текст стихотворения Олжаса Сулейменова «Волчата», опубликованного в сборнике «Определение берега» (1976).

В качестве основного метода использовался структурно-семиотический метод, который в соответствии с трактовкой Ю.М. Лотмана нацелен на анализ художественного пространства текста. С помощью этого метода выявляется четкая связь художественного текста с его жанровой спецификой, обуславливающей, в частности, обобщенность образов персонажей – людей и животных, минимализм в образных средствах. Кроме этого, выявляется, что в основе семиотики анализируемого стихотворения лежит введение символических мифологических образов, восходящих к транскультурному художественному мировосприятию Сулейменова.

Структурный метод позволяет выявить транскультурный характер поэтической техники автора, построенной на симбиозе казахских силлабических и русских силлабо-тонических поэтических традиций, в результате которого возникает своеобразная сулейменовская поэтическая техника.

Результаты и обсуждение

Стихотворение «Волчата» Олжаса Сулейменова знаменито не только из-за своих, несомненно, высоких художественных достоинств, но и потому что оно включено в программу изучения русского языка и литературы в казахстанских школах. Это привело к появлению в интернете многочисленных видеоуроков на YouTube¹, планов-конспектов уроков, темой которых является это стихотворение².

¹ Например, видеоуроки Мадины Ажибаевой, Алуа Ильясовой и др. на YouTube.

² См.: <https://infolesson.kz/otkritiy-urok-po-literature-na-temu-olzhasa-suleymenova-volchata-614353.html>; <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2021/01/14/olzhass-suleymenov-volchata>; https://ust.kz/word/otkrytyi_yrok_o_syleimenov_volchata_8_klass-310208.html и т.п.

Авторами видеоуроков, конспектов уроков выступают учителя казахстанских средних школ, которые делятся своим опытом преподавания этой темы с педагогическим сообществом.

Предлагаемый нами литературный анализ этого стихотворения также окажет, как мы надеемся, методическую помощь учителям при подготовке занятий по этому стихотворению. Он может быть использован и как дополнительный материал, углубляющий представления учителя русского языка и литературы об идейно-художественном своеобразии стихотворения «Волчата».

Стихотворение «Волчата» впервые было опубликовано в первом сборнике стихов Олжаса Сулейменова «Аргамаки» в 1961 году, затем оно было опубликовано в сборнике «Определение берега» (1976). В этом произведении Сулейменов поднимает проблему бессмысленного и разрушительного вмешательства человека в природу ради забавы, проблему бездумного уничтожения животного мира. Эта проблема важна и значима для поэта, поскольку в ментальности и философии казахов-кочевников закреплены нормы гармоничного сосуществования с природой, уважительного и бережного отношения к ней. Именно так предки кочевников выживали на протяжении тысячелетий и вырабатывали жизненно важные правила сосуществования с природой, которые они завещали потомкам. Идея, проводимая в произведении, трансформируется в конечном счете из экологической в экософскую проблему, в которой экологическая идея углубляется и связывается с философско-мировоззренческой концепцией казахов как наследников древнетюркского тенгрианского мировосприятия.

Стихотворение начинается как притча:

*Шел человек.
Шёл степью, долго, долго.
Куда? Зачем?
Нам это не узнать.*

Сегодня притча как жанр в чистом виде практически не встречается, но она может стать частью литературного произведения, многие авторы используют прием стилизации художественного текста под притчу. Современных писателей притча привлекает нацеленностью на первоосновы человеческого существования, она помещает человека в масштабную ситуацию этического, принципиально значимого выбора. Для притчи характерно обобщение, потому что она несет общечеловеческий смысл. Не случайно автор использует в стихотворении «Волчата» слово *человек* как обобщенное родовое название. Он не уточняет, кто этот человек, куда и зачем он идет, потому что это неважно для той глобальной этической идеи, которую автор хочет передать. Хронотоп произведения отличается неопределенностью, свойственной притче. «Своеобразие притчи в том, что в ней события не определены ни хронологически, не территориально, и не прикреплены к конкретным историческим именам действующих лиц. В притче действия и персонажи схематичны и схематичен рассказ в них», – подчеркивают нарративные особенности притчи Н.А. Сабурова и А.Г. Татаурова (2019, с. 46). В последних строках стихотворения повторяются эти фразы:

*И человек пошёл своей дорогой.
Куда?.. Зачем?..
Нам это не узнать.*

Они закрепляют притчевый характер произведения, его назидательную универсальность, типичную для жанра притчи. Эти строки также придают композиции стихотворения кольцевой характер.

Притча как жанр лишена авторской субъективности, но Сулейменов в поэтический текст местоимение *нам* (*мы*), которое придает личностный характер тексту, объединяя лирического героя с читателем с помощью местоимения 1-го лица множественного числа. Тем самым «притчевость» произведения снижается, и стихотворение переводится в плоскость авторского повествования. Лирический герой и читатель становятся наблюдателями и свидетелями трагической картины, которая открывается перед ними и которую они видят глазами человека, шедшего по степи. Поэт мастерски использует прием градации в описании:

*В густой лощине он увидел волка,
Верней, волчицу,
А, точнее, мать...*

Градация повышает экспрессивность и эмоциональность повествования, вовлекая читателя в процесс сопереживания трагическому событию: *волка – верней, волчицу – а, точнее, мать*. Вводные слова *верней, а точнее* передают постепенный характер визуального восприятия: сначала человек видит волка, потом, приглядываясь, он понимает, что это волчица, и наконец окончательно убеждается в том, что это мать с детенышами. Это означает разную степень эмоциональной вовлеченности самого персонажа и читателя: больше эмпатии вызывает, конечно же, жестоко убитая мать, у которой есть детеныши, чем убитый волк.

Исследователи отмечают, что «поэзия «Аргаматов» очень субъективна. В этом сборнике несколько стихотворений посвящены животным, что напоминает стихи С. Есенина. Но, в сулейменовских стихах проблема решается более безжалостно и сурово» (Нурахинова, Какильбаева, 2015, с. 111). Они отмечают, что «мотив жестокости встречается» в стихотворении «Волчата». И, действительно, сюжет стихотворения составляет жестокое бессмысленное убийство волчицы, но поэт по законам жанра притчи имплицитно переводит этот сюжет в общечеловеческий план и трактует его как убийство матери вообще. «Очеловечивание» волчицы и волчат связано с зооантропоморфными традициями восприятия образа волка в древнетюркской и казахской мифологии. Преступность и жестокость деяния человека подчеркивается тем, что без защиты остаются малые беспомощные дети. Именно поэтому поэт использует слова *мать, мама*, когда пишет об убитой волчице, а волчат называет *ребятами*.

Образ волка в казахской литературной традиции занимает важнейшее место, что связано со значимостью этого образа в казахской и древнетюркской мифологии и фольклоре. Волк характеризуется в них как сильный, неустрашимый зверь, которого трудно приручить и покорить. Лирику Сулейменова трудно понять без обращения к историческим фактам, древнетюркской мифологии и

фольклору, поскольку творчество поэта пронизано аллюзиями, историческими, литературными и фольклорными реминисценциями. Оно погружено в историко-мифологическую реальность, связано тончайшими смысловыми, ассоциативными нитями с древнетюркским прошлым народа. Родоначальником тюркских племен, согласно мифам и легендам, является Ашина – Көк бөрі ('Небесный волк'), он имеет зооантропоморфный характер. Волк считается основным тотемным животным казахов и древних тюрков (Сарбасов, 2016, с. 183). Именно национально-культурными мотивами обусловлен выбор Сулейменовым образа волка как центрального в своем произведении. В своей экософской концепции он придает этому образу обобщенное толкование как представителя природы и животного мира вообще, который подвергается бессмысленному уничтожению человеком.

Характерной чертой этого произведения является небольшое количество художественных эпитетов, метафор и сравнений, которые обычно свойственны поэтическому стилю Олжаса Сулейменова. Как мы полагаем, на это повлиял притчевый характер изложения событий. В.И. Тюпа относит к прототипическим характеристикам притчи лаконизм и точность выражения, краткость описания и сжатость характеристик, неразработанность характеров персонажей (1999). Возможно, и тема убийства не вызывала у автора желания эстетического «украшательства». Картина убитой волчицы, вокруг которой ползают слепые волчата, изложена практически в кинематографическом документальном черно-белом стиле, со страшными конкретными деталями в кадре:

*Она лежала в зарослях полыни,
Откинув лапы и оскалив пасть.
Из горла перехваченного плыла
Толчками кровь, густая, словно грязь.
<...>
Они, толкаясь и ворча, сосали
Большую неподатливую мать.*

Редкие поэтические средства (сравнение *густая как грязь*; эпитет *неподатливую*) передают объективные характеристики явлений, но не эмоциональную субъективность автора. Вероятно, потому что авторская позиция закодирована не такими очевидными и явными средствами. Она передается композицией, документальностью описания сюжета, выбранными нарративами. Обратим внимание на то, что в тексте практически отсутствует эмоциональная лексика, кроме идиомы *жажда мести*. Не описывает поэт и эмоциональное состояние персонажа, лирического героя, волчат. Можно согласиться с Дм. Молдавским, который подчеркивает внешнюю эмоциональную сдержанность поэта при кипящих внутри сильных эмоциях: «Спокойный ужас – этот образ характерен для Сулейменова, поэта энергичного и темпераментного, не терпящего пустой рефлексии, но иногда подчеркнута сдержанного» (цит. по: Кадирхан, 2016, с. 120).

Во второй части появляется важнейшая тема мести за гибель матери как предсказание будущего для волчат и человека – убийцы:

*С глотками в них входила жажда мести.
Кому?
Любому.
Лишь бы не простить.
И будут мстить
В отдельности,
Не вместе.
А встретятся –
Друг другу будут мстить.*

И здесь мы уже можем обнаружить сугубо авторскую позицию, которая выражена в ярком метафорическом образе «глотающая кровь убитой матери, дети выпитывают жажду мести». В концовке стихотворения опять возникает нарратив притчи, который завершается назидательной сентенцией:

*И человек пошёл своей дорогой.
Куда?.. Зачем?..
Нам это не узнать.
Он был волчатник,
Но волчат не тронул,
Ребят уже не защищала мать...*

Обобщенный образ человека конкретизируется: он оказывается волчатником, т.е. его профессия – это отлов волков и охота на них. Но он не трогает слепых беззащитных волчат, по всей видимости, им руководят чувства жалости и неприятия жестокого бессмысленного убийства, совершенного другими людьми. Таким образом, отрицание грубого, непродуманного вмешательства человека в природу воплощается поэтом в конкретной ситуации убийства человеком волчицы-матери, в результате которого, скорее всего, погибли и беспомощные, лишенные материнской защиты и заботы новорожденные волчата. Через эмоционально напряженное, трагическое повествование автор пытается донести до человечества идею бережного отношения к природе, сохранения ее животного и растительного разнообразия, которое обеспечивает баланс экологической системы. Он рассматривает экологическую проблему в контексте человеческой философии бытия, сопрягая с онтологией и придавая экологической проблеме экософский характер. Тем самым поэт на несколько десятков лет опережает современные экологические идеи и общественные движения во всем мире, выступающие за сохранение природы.

Если стихотворение не изобилует образными поэтическими средствами лексического уровня, то синтаксические художественные приемы использованы автором в полной мере. И прежде всего, это короткие повторяющиеся вопросы, состоящие из одного слова – наречия или местоимения: *Куда? Зачем? Кем? Кому?* Вопросы играют важную композиционную роль, они повторяются через каждые восемь строк, организуя поэтический текст в четыре отдельных смысловых блока. В первом, втором и четвертом блоках после вопросов следует похожий рефрен *Нам это не узнать* или *Слепым волчатам это не узнать*. В них автор подчеркивает,

что точных ответов на вопросы не будет. Без ответов остаются и вопросы о тех, кто совершил убийство: *Кем? Кем? Волком? Охотничьими псами?* Но, может быть, конкретные ответы и не нужны, потому что и так понятно, что волчица убита человеком, безжалостным и жестоким.

Вопросы придают поэтическому тексту диалогичность, вовлекая читателя в интерпретацию и постижение авторской идеи.

Транслингвальность Сулейменова нашла отражение не только в идейно-мировоззренческой и содержательной стороне его поэзии, но и в создании особой поэтической техники. Так, К.С. Бузаубагарова полагает, что и формальная сторона поэзии Сулейменова маргинальна: «... поэт не мог использовать ритмы казахского стиха, хотя бы в силу принципиального различия казахской и русской системы стихосложения. <...> О. Сулейменов, конечно, употребляет некоторые формы казахского стиха, но настолько приспособивая их к русской системе стихосложения, что эти формы <...> обнаруживают лишь отдаленное сходство с казахским стихом» (1984).

Поэт использует симбиоз силлабического и силлабо-тонического стихосложения. Первый вид стихосложения – силлабический – типичен для казахской поэзии, в которой поэтический ритм организуется слогами, их количеством в строке, безотносительно к ударению. Для русской поэзии с пушкинских времен свойствен силлабо-тонический принцип, в котором учитывается, в первую очередь, ударение, а затем количество слогов в стопе. Соединив в своей технике традиционное казахское силлабическое стихосложение и русское силлабо-тоническое стихосложение, поэт создает особую технику стиха, одновременно и уникальную, и построенную на традициях. Сочетание обоих принципов стихосложения в поэзии Сулейменова удивительным образом создает уникальный ритмический рисунок, прерывистый характер интонации, передающий эмоциональную напряженность и идейно-художественное своеобразие поэтического видения. Это поэтическое достижение справедливо отмечают исследователи: «Под влиянием своих русских друзей – поэтов – шестидесятников Олжас Сулейменов первым из поэтов-казахов создает на русском языке особый вид поэзии, стихи, в основе которых лежит ритм, особый, четкий, часто меняющийся на протяжении всего сюжета, что придает стихам необычную интонационную тональность» (Нурахинова, Какильбаева, 2015, с. 111–112). И этот ритм, и интонационный рисунок является наследием казахской устно-поэтической традиции, построенной на силлабическом принципе, при котором создается не ударением в стопах, не рифмой, а количеством слогов в строке.

Поэтическая техника в этом произведении отличается элегантною «небрежностью». Схема рифмовки перекрестная АБАБ, но не везде; рифмованные строки могут перемежаться с нерифмованными. Рифмы чаще всего неточные: *человек – зачем, полыни – плыла, псами – сосали, укроп – кровь* и т.п. Размер стиха также выдерживается не везде. Большая часть поэтического текста написана верлибром, т.е. не имеет размера и рифмы. В нескольких строках определяется ямба с разным количеством стоп – от пятистопного до двухстопного:

*В гус-то'й/ ло-ци'/не он'/ у-ви'/дел вол'/ка,
Вер-ней',/ вол-чи'/цу ...*

Сочетание силлабического и силлабо-тонического принципов стихосложения в этом стихотворении передает эмоционально-напряженный характер интонации, в которой отражается авторское видение трагического события.

Заклучение

Транскультурная поэтика стихотворения Олжаса Сулейменова «Волчата» проявляется в выборе жанра притчи, которая позволяет вывести частный случай человеческой жестокости по отношению к животным на общечеловеческий уровень и сформировать философский посыл произведения о необходимости гармоничного сосуществования человека и природы, который был свойствен древним кочевым народам. Тенгрианское мировоззрение древних тюрков основывалось на этом экософском тезисе.

Жестокость современного человека по отношению к природе, животному миру, по убеждению поэта, бессмысленна и противоречит основам мироздания. Выбор жертвы бессмысленной человеческой жестокости – волка, волчицы – также обусловлен транскультурностью и мифологизмом художественного миропонимания Сулейменова, в котором волк – прародитель древних тюрков – должен почитаться и которому нужно поклоняться. Нарушение сакральности древнего зооморфного тотема – нравственное преступление человека. Произведение наводит читателя на размышления о нравственности, морали современного общества, нарушающего закон равноправного и гармоничного сосуществования с природой.

Список использованной литературы

- Аннинский Л. В кольце страстей (о творчестве О. Сулейменова) // Простор. 1963. № 10. С. 75–79.
- Ауэзов М.М. «Предки, в бою поддержите меня...». О национальном своеобразии поэзии О. Сулейменова // Дружба народов. 1968. № 7. С. 12–18.
- Бузаубагарова К.С. Стих Олжаса Сулейменова: дисс. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984. 171 с.
- Дерунова Е., Темиргазина З. Семиотическое прочтение стихотворения Олжаса Сулейменова «Хромой кулан» // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі / Язык и литература: теория и практика. 2024. Т. 3, №2. С. 39–55. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55>
- Кадирхан А.К. Тематический анализ стихотворения О. Сулейменова «Казахстан» // Пятый этаж. 2016. №2. С. 121–124.
- Нураыхынова А.С., Какильбаева Э.Т. Ранняя поэзия Олжаса Сулейменова в контексте лирики шестидесятников // VII Багизбаевские чтения «Прикладные аспекты современной филологии в контексте интегрированных образовательных программ». Мат-лы международной научно-практ. конф. Алматы, КазНУ им. Аль-Фараби, 2015. С. 108–113.
- Нурғали К.Р. Значение поэтической культуры Олжаса Сулейменова и ее преломление в жанровых исканиях современных казахстанских поэтов // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2020. № 1. С. 214–217.
- Сабурова Н.А., Татаурова А.Г. Жанровые особенности современной притчи и их сохранение при переводе // Academy. 2019. №6 (45). С. 46–48.

- Сарсембаева А.Ж. Когнитивный аспект анафоры в поэтическом дискурсе О. Сулейменова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2005. № 1(83).
- Сарбасов Б.С. Қазақ фольклорындағы бөрі бейнесі // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы. 2016. №2 (160). Б. 182–186.
- Сулейменов О.О. Определение берега. Алматы: Жазушы, 1976. 456 с.
- Тюпа В.И. Грани и границы притчи // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: СОАН, 1999. С. 381–386.
- Caffee, N. (2020). Between First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism, 1961–1973. *Russian Literature*, 111–112, 91–118. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.03.004>
- Kellman, S.G. (2000). *The Translingual Imagination*. University of Nebraska Press. 134 p.
- Ram, Harsha. (2001). Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AZiIA. *Slavic Review*, 60(2), 289–311.

References

- Anninskiy, L. (1963). V kol'tse strastey (o tvorchestve O. Suleimenova) [In the Ring of Passions (on the works of O. Suleimenov)]. *Prostor*, 10, 75–79. (in Russ.)
- Auevov, M.M. (1968). “Predki, v boyu podderzhite menya...” O natsional'nom svoeobrazii poezii O. Suleimenova [“Ancestors, support me in battle...” On the National Peculiarity of O. Suleimenov's Poetry]. *Druzhba narodov*, 7, 12–18 (in Russ.)
- Buzaubagarova, K.S. (1984). *Stikh Olzhasa Suleimenova* [Poems by Olzhas Suleimenov]: diss. kand. filol. nauk. Alma-Ata. (in Russ.)
- Caffee, N. (2020). Between First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism, 1961–1973. *Russian Literature*, 111–112, 91–118. (in Russ.). <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.03.004>
- Derunova, E. & Temirgazina, Z. (2024). Semioticheskoe prochtenie stihotvoreniya Olzhasa Suleimenova “Hromoy kulan” [Semiotic reading of Olzhas Suleimenov's poem “Khromoy kulan”]. *Til zhane adebiet: teoriyasy men tazhiribesi / Yazyk i literatura: teoriya i praktika*, 3, 2, 39–55. (in Russ.). <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55>
- Kadir Khan, A.K. (2016). Tematicheskii analiz stihotvoreniya O. Suleimenova “Kazakhstan” [Thematic Analysis of O. Suleimenov's Poem “Kazakhstan”]. *Pyatyy etazh*, 2, 121–124 (in Russ.).
- Kellman, S.G. (2000). *The Translingual Imagination*. University of Nebraska Press.
- Nurahynova, A.S. & Kakilbaeva, E.T. (2015). Rannya poeziya Olzhasa Suleimenova v kontekste liriki shestidesyatnikov [Early Poetry of Olzhas Suleimenov in the Context of the Lyrics of the Sixties]. In: *VII Bagizbaevskie chteniya “Prikladnye aspekty sovremennoy filologii v kontekste integrirovannykh obrazovatel'nykh program”*. *Mat-ly mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf.* Almaty, KazNU im. Al-Farabi, 108–113. (in Russ.).
- Nurgali, K.R. (2020). Znachenie poeticheskoy kul'tury Olzhasa Suleimenova i ee prelomlenie v zhanrovyykh iskaniyakh sovremennykh kazakhstanskikh poetov [The Significance of Olzhas Suleimenov's Poetic Culture and Its Refraction in the Genre Searches of Contemporary Kazakhstani Poets]. *Vestnik Taganrogskegogo instituta imeni A.P. Chekhova*, 1, 214–217. (in Russ.).

- Ram, Harsha (2001). Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AZiIA. *Slavic Review*, 60(2), 289–311.
- Saburova, N.A. & Tataurova, A.G. (2019). Zhanrovye osobennosti sovremennoy pritchi i ikh sokhraneniye pri perevode [Genre Features of Contemporary Literature and Their Preservation in Translation]. *Academy*, 6(45), 46–48. (in Russ.).
- Sarbasov, B.S. (2016). Қазақ fol'kloryndary bəri bejnisi [The story of the wolf in Kazakh folklore]. *ҚазҰУ habarshysy. Filologiya seriyasy*, 2(160), 182–186. (in Kaz.).
- Sarsembaeva, A.Zh. (2005). Kognitivnyy aspekt anafory v poeticheskom diskurse O. Suleimenova [Cognitive aspekt of anafory in poetic discourse O. Suleimenova]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, 1(83). (in Russ.).
- Suleimenov, O.O. (1976). *Opredeleniye berega* [Defining the Shore]. Almaty: Zhazushy. (in Russ.).
- Tyupa, V.I. (1999). Grani i granitsy pritchi [Boundaries and Limits of Parable]. In: *Traditsiya i literaturnyy protsess*. Novosibirsk: SOAN, 381–386. (in Russ.).

О.К. Андрющенко

Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті
Павлодар, Қазақстан

А.Ш. Тілеулесова

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті
Астана, Қазақстан

ОЛЖАС СҮЛЕЙМЕНОВТІҢ «БӨЛТІРІКТЕР» ӨЛЕҢІНІҢ ЖАНРЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ МЕН МИФОЛОГИЯСЫ: ТРАНСМӘДЕНИ КӨЗҚАРАС

Аңдатпа. Мақалада Олжас Омарұлы Сүлейменовтің «Бөлтіріктер» атты өлеңіндегі жанрлық ерекшеліктер, мифологиялық бейнелер мен поэтикалық тәсілдер трансмәдени тұрғыда талданады. Зерттеу нәтижесінде, аңыз түріндегі жанр авторға жануарларға жасалған қатыгез қарым-қатынастың жеке мысалын адам мен табиғат арасындағы қарым-қатынасты философиялық тұрғыда пайымдауға мүмкіндік беретіні анықталды. Бұл пайым ежелгі түркілік тәңіршілдік дүниетаныммен тығыз байланысты болып, адам мен табиғаттың үйлесімді қатар өмір сүру қажеттігін мыңдаған жылдар бойы қалыптастырған ұстанымға негізделеді. Аңыз жанры кейіпкер – адам бейнесінің, сондай-ақ қаншық қасқыр мен бөлтіріктер бейнесінің жинақталған сипатын және өлеңдегі кеңістік пен уақыттың қамтылған табиғатын айқындайды. Аңызға тән ерекшеліктер өлеңнің лексикалық деңгейінде бейнелеу құралдарының минимализмімен, ал синтаксистік деңгейде олардың белсенді қолданылуымен көрініс табады: анафора, синтаксистік қайталаулар, риторикалық сұрақтар мен градация тәсілдері арқылы. Жазушы дүниетанымының трансмәдени сипаты қоршаған болмысты күрделі түрде концептуализациялауынан, орыс дүниетанымының элементтерін бастапқы қазақ дүниетанымына енгізуінен көрінеді. Бұл ерекшелік қазақ және орыс поэтикалық дәстүрлерінің үйлесімді симбиозынан да айқын байқалады. Осы талданып отырған өлеңде буындық және буын-екпіндік өлшемдерге негізделген Сүлейменовтің поэтикалық тәсілін қалыптастырады. Айқындалған жанрлық ерекшеліктер, мифологизм және поэтикалық техниканың даралығы автордың көркемдік дүниетанымының трансмәдени болмысымен шарттас.

Түйінді сөздер: Олжас Сүлейменов; аңыз; мифологизм; трансмәдениет; поэтикалық техника.

О.К. Andryuchshenko

*Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan
Pavlodar, Kazakhstan*

A.Sh. Tleulesova

*Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin
Astana, Kazakhstan*

GENRE SPECIFICITY AND MYTHOLOGISM OF OLZHAS SULEIMENOV'S POEM "WOLF CUBS" IN A TRANSCULTURAL CONTEXT

Abstract. The article analyzes the genre characteristics, mythologism, and poetic technique in the poem "Wolf Cubs" by Olzhas Omarovich Suleimenov from a transcultural perspective. As revealed, the genre of the parable enables the author to elevate a specific instance of animal cruelty to a philosophical reflection on the relationship between humans and nature. This reflection draws upon the ancient Turkic Tengrist understanding of the necessity for harmonious coexistence between humans and the natural world, a worldview shaped over millennia. The parable genre also determines the generalized nature of the characters – the human figure, the she-wolf, and the wolf cubs – as well as the generalized chronotope of the poem. The parabolic quality is revealed through the minimal use of figurative language at the lexical level and the active use of expressive means at the syntactic level, including anaphora, syntactic repetition, rhetorical questions, and gradation. The transcultural nature of the writer's worldview, manifested in the complexity of his conceptualization of reality and the incorporation of elements of the Russian worldview into the primary Kazakh worldview, is also reflected in the symbiosis of Kazakh and Russian poetic traditions. This creates a distinctive poetic technique in Suleimenov's poem, based on both syllabic and syllabo-tonic principles. The identified genre characteristics, mythologism, and uniqueness of the poetic technique are ultimately determined by the transcultural nature of the author's artistic worldview.

Keywords: Olzhas Suleimenov; parable; mythologism; transculturality; poetic technique.

Вклад авторов

Андрющенко О.К. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание.

Тлеулесова А.Ш. – методология, написание – обзор и редактирование.